PG
3453
.B3N4

Class PG

Book B

YUDIN COLLECTION

Baryshev, Grigorii.

НѢСКОЛЬКО СТИХОТВОРЕНІЙ

КРЕСТЬЯНИНА

ГРИГОРІЯ БАРЫШЕВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ МОРСКАГО МИНИСТЕРСТВА,
ВЪ ГЛАВНОМЪ АДМИРАЛТЕЙСТВѢ.
1874.

PG 3453
.B3 N4

Дозволено цензурою. С. Петербургъ, 19 января 1874 года.

104837
'07.

БЛАГОДѢТЕЛЮ МОЕМУ,

ВИКТОРУ ИПАТЬЕВИЧУ

АСКОЧЕНСКОМУ

ПОСВЯЩАЕТЪ

ПРЕДАННѢЙШІЙ

Григорій Барышевъ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Авторъ издаваемыхъ мною стихотвореній есть уроженецъ ярославской губерніи, мологскаго уѣзда, села Брейтова, *Григорій Барышевъ*. Ему теперь 20 лѣтъ отъ роду.

Три года тому назадъ, отъ одного изъ петербургскихъ переплетчиковъ нерѣдко приносилъ ко мнѣ книги мальчикъ. Онъ понравился мнѣ своею бойкостью и проворствомъ, а на ту пору нуженъ былъ для конторы моей рабочій. Я предложилъ Барышеву поступить ко мнѣ, на что онъ и изъявилъ согласіе. Грамотенъ онъ былъ на столько, что умѣлъ читать кое-какъ и подписывать каракулями свое имя и фамилію; но занятія въ конторѣ скоро показали ему недостаточность его образованія. Барышевъ принялся читать съ усердіемъ все, что могло способствовать его развитію. Я не только не мѣшалъ ему въ этомъ, но, на сколько то нужно, руководилъ его, отнюдь не подозрѣвая, что онъ занимается иногда слаганіемъ виршей. Случайно попалось мнѣ стихотвореніе его: *Житье-бытье крестьянина*. Я удивленъ былъ признакомъ неподдѣльнаго дарованія, и, для ободренія самоучки, помѣстилъ его издѣліе въ выпускѣ 21 «Домашней Бесѣды» за 1873 годъ

Между тѣмъ, я нашелъ у него цѣлую тетрадь разнаго рода стихотвореній, изъ которыхъ и выбралъ то, что представляется теперь благосклонному вниманію читателей.

Грѣшно было бы дать заглохнуть несомнѣнному дарованію Бірышева. Кто знаетъ, можетъ быть изъ него выйдетъ, если не Кольцовъ и Никитинъ, то по крайней мѣрѣ Слѣпушкинъ....

Издатель.

I.

МОЙ ПОРТРЕТЪ.

Я по вѣрѣ—христіанинъ,
Званьемъ русскій гражданинъ,
То есть, лапотникъ-крестьянинъ,
Сѣрый, значитъ, господинъ.
Родился я среди лѣса
Отъ простаго мужика,
Не имѣю въ мірѣ вѣса
И слыву за дурака.
Ростомъ малъ, собой невзраченъ,
И фигурой не казистъ;
Но душою я не мраченъ,
И въ компаніи рѣчистъ.
Не ученъ закону Божью
И другимъ наукамъ тожь;
Но гнушаюся я ложью—
Далеко съ ней не уйдешь.
Курсъ домашняго ученья
Кончилъ чтеньемъ Псалтиря,
Находясь на попеченьи
У Ѳомы-пономаря.

Впрочемъ, я и не желаю
Мудрости себѣ иной;
Что мнѣ нужно? Бога знаю,
Чту законъ Его святой;
А въ другомъ чемъ я совѣта
Попрошу у старика,
И увѣренъ—безъ отвѣта
Не оставитъ дурака.

II.

ВОПЛЬ ГРѢШНИКА.

Къ Тебѣ, о Господи! взываю,
Къ Тебѣ, мой Боже, вопію:
Спаси меня, я погибаю,
Надъ бездной адской, унывая,
Какъ обезумѣвшій, стою.

Напрасно я блуждаю окомъ
Ища пристанища себѣ;
Отъ бурной страсти, отъ порока,
Какъ отъ бѣгущаго потока,
Мнѣ нѣтъ убѣжища нигдѣ!

Я слабъ, чтобъ мнѣ въ житейскомъ морѣ
Бороться противъ ярыхъ волнъ;
И, въ этомъ гибельномъ просторѣ,
Я самъ собой не въ силахъ болѣ
Направить къ пристани мой чёлнъ.

Къ какому краю вѣтеръ вѣетъ,
Къ тому стремглавъ несусь и я.
Рукою слабою моею
Рулемъ я править не умѣю...
Спаси же, Господи, меня!

Не вижу я себѣ спасенья;
Вода бѣжитъ уже въ мой чёлнъ;
Ужь близится часъ потопленья,
Еще минута—и крушенье...
Погибну я въ пучинѣ волнъ!

Къ Тебѣ, о Господи, взываю,
Къ Тебѣ, мой Боже, вопію:
Спаси меня, я погибаю,
Надъ бездной адской, унывая,
Какъ обезумѣвшій, стою.

———

III.

ЖИТЬЕ-БЫТЬЕ КРЕСТЬЯНИНА.

Мужичокъ не любитъ скуки,
Не боится и труда,
Не сидитъ, сложивши руки,
Какъ иные господа.

У него работы много,
Онъ всегда не безъ хлопотъ;
Для него одна дорога:
Жить въ нуждѣ, въ кругу заботъ.

Не сердится онъ на долю,
Не пѣняетъ на удѣлъ.
Онъ привыкъ къ родному полю;
Трудъ ему не надоѣлъ.

Станетъ горе у порога—
Онъ и тутъ не поскорбитъ;
Проситъ помощи у Бога
И за все благодаритъ.

Раннимъ утромъ онъ зимою
Съ лошаденкой въ лѣсъ ползетъ;
А полуденной порою
И дровишекъ привезетъ.

Тамъ за сѣномъ, тамъ къ амбару
Сходитъ; если домосѣдъ,
Сковыряетъ лаптей пару
И соломки принесетъ.

Тѣмъ кончается работа
Зимней у него порой;
Но работа и забота
Прибавляются весной.

Тутъ уже съ утра до ночи
Не садится онъ за столъ;
Что есть силъ и что есть мочи
Въ полѣ трудится, какъ волъ.

По полуденному-ль зною,
Иль по утренней росѣ,
То съ сохой, то съ бороною
Вѣчно онъ на полосѣ.

Вотъ телѣги заскрипѣли
На поля везутъ навозъ;
Протекло двѣ-три недѣли,
Наступилъ и сѣнокосъ.

Травка чудо зеленѣетъ,
Вѣтеръ тихо шелеститъ,
Солнце сверху травку грѣетъ,
Подъ корнемъ коса блеститъ.

И косарь подъ солнцемъ жгучимъ
Весь вспотѣлъ,—потъ градомъ льетъ;

Размахнетъ плечомъ могучимъ—
И плоды трудовъ пожнетъ.

Время жнитвы дорогое
Наступило,—видъ иной:
Поле будто золотою
Колыхается волной.

И крестьянки ужь съ серпами
Всюду по полю снуютъ;
Кои возятся съ снопами,
Кои косятъ, кои жнутъ.

Вечеркомъ, когда стемнѣетъ,
И бабье съ жнитва пойдетъ,—
Разомъ все повеселѣетъ,
Заиграетъ, запоетъ.

Вотъ окончились работы,
Отдохнуть пришла пора;
Мужичокъ дождался льготы,
Хлѣба цѣлая гора...

Послѣ этого, веселью
Мужичокъ разгулъ даетъ,
И отъ частаго похмѣлья
Голова кругомъ идетъ.

IV.

ТРИ ЖЕЛАНІЯ.

Ну, къ чему я стремлюсь
И чего я хочу,
И за чемъ я гонюсь
И чего я ищу?

Золотыхъ, что-ли, горъ
Я желаю себѣ,
Чтобы деньги, какъ соръ,
Сыпать могъ бы вездѣ?

Аль хочу обладать
Я талантомъ такимъ,
Чтобъ себя показать
Могъ за диво другимъ?

Нѣтъ, не то я ищу,
Не за тѣмъ я гонюсь,
Не того я хочу,
Не изъ этого бьюсь.

Первымъ дѣломъ себѣ
Я желаю того,
Что не видно нигдѣ,
Но нужнѣе всего ...

Я желалъ бы душой
Въ страхѣ Божіемъ жить,
И о жизни земной
Черезчуръ не тужить.

А второе—ума
Крѣпко хочется мнѣ,
Чтобъ разсѣялась тьма
У меня въ головѣ.

Да еще бы желалъ
Мысль исполнить одну,
Чтобъ Господь мнѣ послалъ
Молодую жену.

Вотъ и все, чего я
Въ этой жизни хочу,
Что заботитъ меня
И чего я ищу!

V.

КЪ ПОРТРЕТУ В. И. А-ГО.

На нивѣ Божіей онъ много потрудился,
Пшеницу чистую ревниво охранялъ;
И гдѣ бурьянъ съ крапивой заводился, —
Его онъ съ корнемъ вырывалъ.

VI.

ДУМА СТАРИКА.

На завалинкѣ у дому
Старичокъ сѣдой сидитъ;
Онъ парнишкѣ молодому
Что-то строго говоритъ:

«Перестань, плутишка, бѣгать,
Понапрасну обувь рвать;
Не пора ли дѣло дѣлать,
Поумнѣй о чемъ гадать?

Посмотри-ка, пострѣленокъ,
На ровесниковъ своихъ:
Просто, крошки изъ пеленокъ,
А куда тебѣ до нихъ!

Я вчера былъ въ сельской школѣ,
Любовался много тамъ;
И тебя, плутишку, скоро
Отведу къ учителямъ.

Только жаль, что учатъ нонѣ
Не тому, чему должно:
О моряхъ, о небосклонѣ,
И все какъ-то мудрено...

То ли дѣло, какъ учили
Насъ въ былыя времена!
За Псалтирь коль посадили,
Такъ и мудрость вся ясна!

А теперь... да, впрочемъ, ладно!
Пусть ихъ учатъ какъ хотятъ;
Для меня лишь то досадно,
Что какъ будто бы мудрятъ.

Ну, на что тебѣ, примѣрно,
Сколько верстъ до неба знать?
А тебя заставятъ, вѣрно,
Ихъ по пальцамъ сосчитать.

Впрочемъ, споро иль неспоро,
На добро, иль на бѣду,
А въ сельскую нашу школу
Я тебя, братъ, отведу.

VII.

СОСѢДУ.

Эхъ, сосѣдъ! напрасно долю
Проклинаешь ты всегда!
Не отъ доли твое горе,
Не отъ ней твоя бѣда,—

Не отъ ней, а все отъ лѣни,
Отъ сосѣда кабака;
Нѣтъ въ тебѣ теперь и тѣни
Дѣловаго мужика.

Оглянись-ка на просторѣ,
Поразмысли самъ съ собой—
И увидишь, что не доля,
А ты самъ всему виной.

Опустѣлъ домишко старый,
Покачнулся—и давно
Изъ него како-то малый
Выбилъ цѣлое окно.

Вѣтерокъ въ избѣ гуляетъ,
Соромъ по полу кружитъ;
Мышь посудою играетъ,
Муха тощая жужжитъ.

Но живой души невидно...
Гдѣ же дѣти? гдѣ жена?
Побрела, хотя и стыдно,
Съ ними по міру она....

Нѣтъ предъ домомъ огорода,
Ни амбара, ни клѣтей;
На дворѣ одна колода,
Ни коровъ, ни лошадей.

Чрезъ навозъ трава густая
Проросла уже давно;
Вонъ и житница пустая,
И старинное гумно.

Все опало, обветшало—
Лѣни страшные слѣды...
А когда-то тутъ, бывало,
Красовалися скирды.

Раздавался подъ навѣсомъ
Барабанный цѣпа бой;
А теперь гумно, какъ лѣсомъ,
Заросло травой густой.

Все тутъ требуетъ работы,
Неусыпнаго труда;
Но къ хозяину забота
Не приходитъ никогда

Посмотрѣть порядокъ въ домѣ,
Заглянуть туда, сюда—
Не сидитъ-ли-молъ въ закромѣ
Распрегорькая нужда.

Не придетъ ему охота
Встать пораньше, позже лечь,
Потрудиться, поработать,
Починить на крышѣ течь.

Нѣтъ, сосѣдъ, напрасно долю
Проклинаешь ты всегда;
Вѣрь, что этимъ злому горю
Не поможешь никогда.

Лучше дѣлай свое дѣло
Поприлежнѣй,—да гляди,
Чтобы въ домѣ не пустѣло,
Въ кабачокъ не заходи.

И тогда сама собою
Отъ тебя нужда уйдетъ,
А за нею той тропою
Доля счастье приведетъ.

VIII.

ОСЕНЬ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Скучный и неясный,
Пасмурный денекъ;
Рѣзкій и холодный
Дуетъ вѣтерокъ.

Солнышко не грѣетъ,
Снѣгъ и дождь идетъ;
Грязь въ худую обувь
Пѣшему ползетъ.

Горемыка-осень
На дворѣ стоитъ;
Косо горожанинъ
На нее глядитъ.

Видно, не по вкусу
Барину пришлась
Скучная погода,
Уличная грязь.

Но за то отрадно
Въ это время намъ,
Труженикамъ бѣднымъ,
Сѣрымъ мужикамъ.

Мы, вѣдь, не учились
Отъ жары бѣжать,
Въ зимніе морозы
На печи лежать.

Намъ теперь ненужно
Больше горевать,
Какъ весною хлѣба
Кой-гдѣ занимать.

На гумно посмотришь—
Чуешь, что богатъ;
Точно колокольни
Все скирды стоятъ.

Весело хозяинъ
На гумно глядитъ;
Спѣшная работа
На гумнѣ кипитъ.

Утромъ молотили,
Къ вечеру опять
Скирды-колокольни
Будутъ разрушать.

Вотъ ужь и стемнѣло,
Тьма вездѣ царитъ;
Тихимъ, безмятежнымъ
Сномъ деревня спитъ.

Только лишь овины
Кое-гдѣ дымятъ,
Да въ иныхъ овинахъ
Старики не спятъ.

IX.

ПѢСНЯ.

Радъ-радешенекъ
Спѣть бы пѣсенку
Развеселую,
Молодецкую,—

Спѣть по-нашему,
Чтобъ кипѣла кровь,
Чтобы на сердцѣ
Свѣтъ-заря взошла;

Чтобы грусть-тоска
Поразсѣялась,
Не щемила бъ грудь
Богатырскую.

Да не спѣть ужь мнѣ
Пѣсню прежнюю,
Какъ, бывало, я
Холостой пѣвалъ.

И не то, чтобы
Разучился я,
Али голосъ мой
Хриплымъ сдѣлался.

Я сгубилъ свою
Буйну голову,
Что пошелъ, дуракъ,
Къ тестю гордому.

Какъ я сватался,—
Онъ мнѣ все сулилъ,
Что я буду жить
У него какъ сынъ.

Вѣрилъ я тогда
Рѣчи тестевой,
Сладко-приторной,
Хитро-сложенной.

А теперь вотъ я
Почти полгода
У него живу—
Только мучаюсь.

Онъ меня коритъ
Каждый Божій день,
Безъ вины бранитъ,
Бобылемъ зоветъ.

Теща старая,
Какъ змѣя шипитъ,

И кускомъ-то ихъ
Чуть не давишься.

Но больнѣй всего,
Что жена моя
То же яблочко,
Что родители.

Къ ней ласкаюсь я,
А она меня
Рада, кажется,
Сжить бы со свѣту.

Да не буду жь я
Больше мучиться,
Понапрасно лить
Слезы горькія.

Попрощаюсь я
Съ тестемъ, тещею,
Поклонюсь женѣ:
До свиданья-молъ!

И безъ васъ найду
Родъ и племя я
У царя-отца
Межь солдатушекъ.

Прогоню тоску
Горемычную,
И зальюсь опять
Звонкой пѣсенкой.

X.

ДУМА.

Полечу, понесусь
Я за думою вслѣдъ,
И въ ту хату спущусь,
Гдѣ родная живетъ.

Вотъ и тамъ уже я,
Невидимкой сижу;
Какъ родная моя
Поживаетъ—гляжу.

Все одна да одна,
Еле-еле жива;
Тихо стонетъ она:
«Охъ, болитъ голова!»

И костлявой рукой
Свою голову жметъ,
То намочитъ водой,
То въ убрусъ завернетъ;

То откроетъ окно,
У окна посидитъ;
А въ избушкѣ давно
Въ щели вѣтеръ гудитъ.

Станетъ холодно ей—
На палати спѣшитъ,
И въ шубенкѣ своей,
Завернувшись, лежитъ.

Но сильнѣй и сильнѣй
Голова все болитъ,
И живѣй передъ ней
Смерть съ косою стоитъ.

«Собирайся домой,
Припасайся скорѣй;
Я пришла за тобой,
За душою твоей».

А родная вздрогнетъ,
Осѣнится крестомъ,
И къ окну подойдетъ
Поглядѣть за окномъ:

«Гдѣ-то сынъ дорогой,
Гдѣ онъ, милый, теперь?
Не спѣшитъ-ли домой,
Не стучится ли въ дверь?

Но не видитъ она
Своего горюна,
И, заботы полна,
Отойдетъ отъ окна.

XI.

ПОСЛѢДНІЙ НОЧЛѢГЪ.

Въ ясный лѣтній денекъ
Солнце грѣетъ, палитъ,
А въ оврагѣ живой
Ручеечекъ бѣжитъ.

Вѣтерокъ пробѣжитъ
По лѣску, по травѣ,
Посвиститъ, погудитъ,
За моря убѣжитъ.

По дорогѣ большой,
Путникъ спѣшно идетъ,
За плечами въ мѣшкѣ
Онъ подарки несетъ—

Для дѣтишекъ своихъ,
Для жены молодой,
Для отца-старика
И сестрицы родной.

Знать, ужь шибко ему
Въ этотъ годъ повезло...
Вонъ ужь стало видать
И родное село.

Доплелся молодецъ,
По селу ужь бѣжитъ,
А вблизи кабака
Цаловальникъ сидитъ:

«Эй! пріятель, зайди!
Чай съ дороги усталъ,
Отдохни, посиди!»
Молодца зазывалъ.

И зашелъ молодецъ
Поддался на привѣтъ;
Выпилъ водки стаканъ,—
Ужь и силушки нѣтъ.

Цаловальникъ-злодѣй
Черну думу таилъ:
У себя молодца
Ночевать уложилъ.

Разсвѣло; но никто
Молодца не видалъ:
До полуденъ злодѣй
Кабака не отворялъ....

Старичокъ-же съ семьей
Сына все дожидалъ;
Но ужь больше онъ къ нимъ
Никогда не бывалъ.

XII.

ДОБРЫЙ СОВѢТЪ.

«Что это, сосѣдушка,
Такъ загоревалъ?
Что случилось, родненькій,
Али захворалъ?»

—Какъ же, другъ сердечный мой,
Мнѣ не горевать;
Погляди-ка около
Да вокругъ меня.

Вонъ домишко валится,—
Некому чинить;
Подати не плочены—
Нечѣмъ и платить.

Лошадей, коровушекъ
Нѣту и слѣда;
Все съ двора повывела
Горькая нужда.

Сыновья безпутные
Съ картами, виномъ
Свыклись, окаянные,
Бросили и домъ.

Я ужь имъ и честію
И грозилъ, щунялъ,
А они какъ аспиды...
Песъ бы ихъ побралъ!—

—Горе твое горькое,
Что и говорить!
Я тебѣ, сосѣдушка,
Радъ и пособить.

Знаешь ли пословицу:
«Въ камень коль стрѣлять,
Стрѣлы понапрасну лишь
Станешь ты терять».

Чѣмъ тебѣ вымаливать
Помочь у дѣтей,—
По этапу вытребуй
Ихъ самихъ скорѣй.

Приведутъ—потачки имъ
Ты ужь не давай;
Къ намъ на сходку выведи,
Да и отваляй.

И впередъ ужь въ Питеръ-то
Ихъ не отпускай,
Въ кабачокъ заглядывать
Тожь не позволяй.

И тогда ты весело
Снова зыживешь,
Перестанешь жалиться,
Пѣсню запоешь.—

XIII.

ПѢСНЯ.

Не пойду ужь я
Къ моей суженой
Ночью темною
По-за гумнами.

Чрезъ поля, луга,
Чрезъ темный лѣсъ
Не пойду теперь
Къ ней попрежнему.

Ужь не стану я
Поджидать ее,
У ея воротъ
Воромъ прятаться.

Мою милую
Отецъ съ матерью
За немилаго
Замужъ выдали.

Эхъ, дороженька
Къ дому суженой!
Зарости травой
Густо дикою!

Ночка темная,
Будь еще темнѣй;
Солнце красное,
Не кажи лучей!

Не житье ужь мнѣ
Стало молодцу;
Грусть-кручинушка
Пала на сердце.

Эхъ, прости, прощай,
Моя милая!
Не вернуться къ намъ
Золотымъ денькамъ.

XV.

ЛИШНІЙ ЧЕЛОВѢКЪ НА ПЕЧКѢ.

Разлюбила меня
Молодая жена;
Самъ не знаю за что
Разлюбила меня.

Я-ль неласковъ до ней?
Такъ поди-жь, не глядитъ,
И изъ хаты меня
Все прогнать норовитъ.

А вѣдь прежде была
Не такая она:
И смирна, и добра,
И со мною не зла.

Дай пойду на базаръ,
И куплю я женѣ
Самый лучшій нарядъ—
Красный шолковый платъ.

Такъ и сдѣлалъ,—купилъ:
«На, обновку, жена!»
— Убирайся ты съ ней!
Закричала она.

И швырнула въ лицо
Мнѣ обновкой моей.
«Ну прощай, коли такъ,
Опосля не жалѣй.»

Такъ я молвилъ женѣ
И за двери пошолъ,
А она-то мнѣ въ слѣдъ:
«Слава Богу, ушолъ!»

«Такъ на зло же вернусь!»—
Я сказалъ просебя,
И вернулся; жена
Пуще гонитъ меня.

«Не пойду никуда!»
Я сказалъ наотрѣзъ,
И, раздѣвшись, тотчасъ
Я на печку полѣзъ.

Только легъ,—за трубой
Кто-то двинулъ горшокъ;
Погляжу—какъ живой
Шевелится мѣшокъ.

Дай пощупаю я,
Чѣмъ мѣшокъ-то набитъ;
Поглядѣлъ, а въ мѣшкѣ
Мой сосѣдушка спитъ.

Э!—такъ вотъ отъ чего
Мы не ладимъ съ женой!
Ну, постой же, дружокъ,
Я расправлюсь съ тобой.

И тотчасъ же мѣшокъ
Завязалъ, закрѣпилъ,
И бѣгомъ на крыльцо
За дубинкой сходилъ;

Да какъ началъ дружка
Колотить, молотить,
Только пыль изъ мѣшка
По избѣ всей летитъ.

Послѣ съ печки мѣшокъ
Еле-еле стащилъ,
И у жениныхъ ногъ
Я его положилъ.

«Охъ! кормилецъ, прости!
Завопила жена.—
«Нѣтъ, постой, погоди,
Проучу и тебя.»

И отмѣнно жену
Я тогда поучилъ:
Больше къ ней ужь сосѣдъ
Никогда не ходилъ.

Съ той поры и она
Перестала быть злой,
Полюбила меня,
Стала доброй женой.

LIBRARY OF CONGRESS
00023321932